

«Русская мысль» - Париж - МИР И

- 1994 - 27 нояб. - 3 дек. - с. 15

**Айвазовский «В гостях»
у Рубена Севака**

О неизвестных картинах русского мариниста

Приморский городок Кань-сюр-Мер уже давно сросся с Ниццей, и только местные старожилы могут показать ту черту, которая в свое время отделяла фешенебельную столицу Лазурного Берега от небольшого поселка.

Сейчас именно на этой невидимой границе, на изумрудных холмах, построены шикарные высотные дома, заселенные в основном праздными, сверхобеспеченными семьями из стран, составляющих костяк ОПЕКа, а также криминально-сомнительными личностями из стран, где ныне усиленно внедряют демократию.

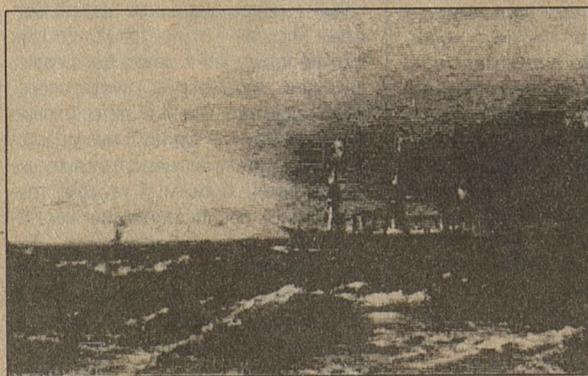
Нет, неизвестные картины великого русского мариниста — не у первых и не у вторых, хотя они находятся в одном из этих чарующих глаз домов. Именно здесь нас ожидает сюрприз.

...Этаж целиком армянский: слева квартира хозяина — Ованеса Чилинкиряна, справа другая, из четырех больших, просторных и свет-

В обширной корреспонденции поэта немало почтовых открыток с пейзажами Айвазовского, которые он постоянно посылал из Лозанны в немецкий город Эрфурт своей будущей жене — Яни Аппель. Открытки эти, по всей вероятности, дарили поэту русские студенты, которых было немало в начале века в Лозанском университете, где он обучался медицине.

Анаит и Александр Топчян у картины Айвазовского «Крымское сражение».

Морской флот.

лых комнат с видом на море. В ней живет только память. Она так и называется: «Дом памяти Рубена Севака», и в нем, в этом «Доме», его хозяин и основоположник оживил память своего дяди, великого армянского поэта Рубена Севака-Чилинкиряна (1885-1915), не только богатыми архивными материалами (рукописи, книги, фотографии и т.д.), но и тремястами работ армянских маринистов: Дживаняна, Махохяна, Шабаняна, Алхазяна, Гарзу и других. Это фактически единственный в мире музей армянской школы маринистов. Среди картин сразу бросаются в глаза три полотна Айвазовского, одно из которых занимает чуть ли не всю стену. Это работа 1855 г., изображающая неравный, но успешный бой русского фрегата с союзническими боевыми кораблями.

Ощущение странности не покидает нас: Армения, горная страна, давно потерявшая выход к морю, выражает свою ностальгию по морю в полотнах своих лучших художников... Дом-музей армянского поэта оказался на чужбине, вдали от своего родного Силиври, что находится на европейском побережье Мраморного моря... Как эти великолепные картины оказались здесь, и почему именно вместе с архивными материалами армянского поэта?

...В середине 70-х годов племянник Рубена Севака Ованес Чилинкирян переехал из Стамбула на постоянное жительство во Францию. Со временем у него собралась неплохая коллекция. Покупал он картины определенного жанра: морские пейзажи армянских художников.

С одной стороны, это было своеобразным исполнением долговечных мечтаний тонкого ценителя живописи иметь свою коллекцию, а с другой — дань памяти великому родственнику, который тоже был большим любителем морских пейзажей. Именно поэтому все эти пейзажи целиком и органически вошли в своеобразный дом-музей армянского поэта и стали его составной частью.

А полотна Айвазовского оказались здесь не только потому, что художник был выходцем из армян, а потому что он был одним из самых любимых живописцев Р.Севака. В Турции любили и ценили Айвазовского еще при жизни. В настоящее время только во дворце Долмапахче хранятся 34 полотна Айвазовского. Немало их также в резиденции армянского Патриарха, в частных коллекциях. Например, десять картин хранятся у известного в Турции фабриканта-мультимиллионера Сагиба Сабанджи. Свидетельством этой любви можно считать и тот факт, что недавно в Стамбуле вышла объемная монография Парса Тугладжи об Айвазовском.

В 1910 г. в Лозанне состоялся гражданский брак Р.Севака с Яни Аппель, и, поскольку в ту пору в Швейцарии не было армянской церкви, они поехали в Париж, чтобы в местной армянской церкви на улице Жана Гужона обвенчаться по армянскому обряду. Там же у французского маршала он приобрел три полотна Айвазовского. До июля 1914 г. эти картины находились на двухэтажной вилле молодого доктора в Лозанне, на авеню Рюмин, а позже, оказались в Константинополе, в его квартире, в престижном квартале Пера.

В 1915 г., после зверского убийства поэта в азиатской глубинке младотурецкими головорезами, его супруга Яни с двумя детьми навсегда покинула Константинополь, забрав с собой только рукописи поэта, и никто сейчас не знает, куда девались и в чьих руках оказались эти три полотна.

В течение десятков лет честолюбивый племянник Р.Севака собирал личные вещи, книги, рукописи, фотографии поэта. Он искал их и находил в Стамбуле, Греции, Швейцарии, Италии, во Франции и даже в Канаде... По сохранившимся фотографиям (еще в студенческие годы в Лозанне Рубен Севак стал заядлым фотолюбителем) он скрупулезно «восстановил» константинопольскую квартиру поэта. Он нашел почти все. Но для полноты картины надо было еще, чтобы в этой квартире Рубена Севака обязательно висели полотна Айвазовского и ровно столько, сколько их было тогда в Пера! Ованес Чилинкирян не уверен, что эти три полотна — именно те, которые его дядя когда-то купил в Париже, но что эти картины кисти Айвазовского — никто не может сомневаться.

И все-таки почему эта ожившая память, все это богатство, во Франции, а не на настоящей родине поэта — Армении? Я не мог не задать этого вопроса О.Чилинкиряну, и вот какой курьезный случай он мне рассказал.

Лет десять тому назад один из армянских высокопоставленных чиновников от культуры почтил своим визитом этот уникальный «Дом». Показав свое детище, Ованес Чилинкирян выразил готовность подарить все это Советской Армении — с условием, чтобы в центре Еревана выделили достойное памяти поэта помещение и назвали его так, как сейчас во Франции: «Дом Памяти Рубена Севака».

«Умудренный» дипломатическим опытом товарищ наотрез отказался принять этот бесценный дар на таких условиях, сказав, что Рубен Севак родился в Турции и нелогично будет открывать такой «Дом» в Ереване, а еще — самое главное! — что в армянской литературе слишком много крупных поэтов и если в память каждого открывать Дома Памяти, то живым почитателям их талантов негде будет жить.

Ну что ж, по своему он был прав, этот товарищ, в особенности если учесть, что поэты остаются вечно живыми в нашей памяти не только благодаря музеям, но и потому, что они посмертно и вечно продолжают жить в наших сердцах. Порою даже не имея могилы, как в случае с Рубеном Севаком.

АЛЕКСАНДР ТОПЧЯН

Ницца — Ереван